

18+

Владимир Тренин

ЯГОДНЫЕ ЗЕМЛИ

Роман

Владимир Тренин

Ягодные земли. Роман

«Издательские решения»

Тренин В.

Ягодные земли. Роман / В. Тренин — «Издательские решения»,

Молодой учитель Кирилл Савельев бежит от личной драмы в северное село Клюквенный Наволок, надеясь начать жизнь заново. Но вместо тихого пристанища он оказывается в эпицентре необъяснимых событий: здесь люди сходят с ума, с неба падают горящие птицы, а ученики способны на жестокое убийство. Столкнувшись с любовью, предательством и потусторонним ужасом, Кирилл должен найти путь обратно, прежде чем ягодные земли поглотят его навсегда. Книга содержит нецензурную брань.

© Тренин В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ягодные земли

Роман

Владимир Тренин

© Владимир Тренин, 2026

ISBN 978-5-0070-3737-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему папе Виталию Тренину.

*Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.
Велимир Хлебников*

*Ягод нет кислее клюквы.
Я на память знаю буквы.
Самуил Маршак*

*Первые ягоды клюквы выросли на земле, где пролилась кровь верховного
шамана племени ленапе, погибшего в битве со злыми духами.
Воин, съевший клюкву перед схваткой, одержит победу.
Вождь Медвежий Коготь*

Пролог

В тот осенний день я перешагнул грань, доступную человеку, разведal что-то важное и светлое, наверно, самое главное в моей жизни, помню, что взглянул на мир с улыбкой, но тут же забыл о том знании.

Папа и шестилетний сын бредут уже два часа по туманному застывшему лесу. Мальчик устал, не говорит об этом, только иногда спрашивает отца:

— Долго ещё?

— Почти пришли, родной.

Где-то там, за величественными, уходящими в белую пустоту, высокими колокольнями северных елей в подвесках седого лишайника, их ждёт огромная рыжая торфяная равнина, усыпанная алой клюквой. Они выбирают из чащи на перекрёсток просек, квартальный столб упал от старости, отец прислушивается к туману, как будто хочет спросить совета. Он немного растерян, ушёл с пути, но виду не подаёт, аккуратно поднимает гнилой столбик, устанавливает его на старое место и всматривается в истёршиеся от времени и стихии номера кварталов.

— Смотри, сын, четыре цифры, грань между маленькими показывает на север, а большими — на юг. Встань лицом к северу и вытяни правую руку, там восток и наша цель.

Деревья мельчают, под ногами хлюпает. Мальчик сбивает влагу с паутины на кустиках черники доньшком двухлитрового алюминиевого бидончика. Перед глазами мелькают отцовские сапоги. Он старается шагать широко, но не может попасть в большой след, приходится прыгать, переходить на бег. Лес расступается, и безбрежное болото, исписанное редкими кривыми восклицательными знаками чёрных сосен, открывается взору путников. Папа нагибается, собирает длинной рукой несколько красных горошин со мха и пересыпает в ладошку сына. Мальчик пробует, челюсти сводит:

— Кислятина!

— Ничего ты не понимаешь, — отец смеётся, несётся, как лось, размахивая дедовской двухвёдерной корзиной, прыгает на кочку, цепляется за ствол чихлой сосенки и кричит, будто матрос, смотрящий за горизонтом с шаткой марсовой площадки:

— Вперёд, сынок, начинаются ягодные земли!

Часть первая

1

Кирилл вытащил рюкзак в тамбур за полчаса до остановки. Проверил документы в наплечной сумке, хлопнул ладонью по карману с деньгами, прислонился к холодному железу старого вагона, стонущего и дрожащего в такт ударам колесных пар. В углу грохотало пустое ведро из-под угля. На противоположной стенке призывно краснела ручка стоп-крана, провоцируя на шальные поступки. Отогнав искушение, он посмотрел в окно: «Интересно, только мне всегда хочется его дёрнуть?»

За бортом проплывали болота с еловыми берегами. Склоны железнодорожной насыпи, заваленные старыми шпалами, поросли сорной лиственной молодью. Август — осенний месяц на Севере, и берёзы, уже подкрашенные жёлтым тоскливым цветом, провожали вчерашнего студента во взрослую жизнь. Косые капли грибного дождя расчерчивали пыльное стекло в закопчённой двери вагона на неравные многоугольники, доказывая теорему, не имеющую ответа.

Кирилл Николаевич Савельев — главный герой настоящей истории, скуластый, худощавый, но размашистый в плечах, коротко стриженный молодой человек — недавно окончил естественно-географический факультет педагогического университета и взял направление на работу в село, затерянное на просторах северной тайги. В районном отделе образования захлопали в ладоши, когда узнали, что в Клюквенном Наволоке появится географ. Последние десять лет в деревенской школе описывал землю и природные особенности дальних стран крепко выпивающий трудовик Юкко Карху, о котором необходимо написать подробнее, поскольку поселился молодой географ в ягодных красивых местах только благодаря этому замечательному человеку.

Юкко Матвеевич Карху — сын красного финна Матти, или Матвея, как прозвали мятежного старика на селе. Матти, выдающийся представитель своего народа, в революционные годы бежал в Россию, занимал важные посты, в великую чистку попал под каток государственной машины, отсидел десять лет и в итоге оказался выброшен бурным потоком жизни в тихую заводь Клюквенного Наволока. Здесь нашёл свою последнюю любовь и на шестом десятке родил сына — будущую палочку-выручалочку для школьной администрации. Юкко, не бывая в университетах, но благодаря своему просвещённому отцу, получил энциклопедическое домашнее образование, говорил на финском и английском, много читал, разбирался в естественнонаучных дисциплинах. Подружившись с этим интересным человеком, Кирилл поймёт, что история, биология, физика и химия с географией для неугомонного финна — так, семечки. Этот нетипичный, загруженный до краешка самой разнообразной информацией учитель труда хорошо смотрелся бы в обнимку с Сократом на античных философских посиделках. Матвеич не побрезговал бы кубком молодого критского вина, за которым стоняли бы в ближайшую древнегреческую лавку румяный Платон с доанабасисным Ксенофонтом, а финн толкал ироничные речи, споря с Демокритом, ныряя в невообразимые полемические дебри, в итоге, конечно, соглашался бы с разумными людьми.

В школе он, словно штрафной ударный батальон, закрывал самые сложные направления: захандрил историк Андрей Абрамович Левин, худощавый и нервный брюнет, — и вот уже Юкко тыкает указкой в карту, будто поражая врага смертоносным гладиусом, разворачивая пятиклашкам эпическую картину падения Карфагена. Проспала учительница русского языка и литературы, Василиса Михайловна Федотова, перебрав с подругами чудесного ароматного самогона собственной выгонки, — трудовик тут как тут, схематизирует на доске меандры поэ-

тических течений серебряного века и, вскочив на стул, цитирует на память «Облако в штанах» перед оцепеневшими старшеклассниками.

Выпускники педвузов упорно не хотели ехать в Клюквенный Наволок, а чиновники от образования не очень-то и искали замену неутомимому трудовику, который продолжал свое нелегкое дело. Увы, даже радиоизотопные термоэлектрические генераторы когда-нибудь выдыхаются. Матвейч дал сбой: замахнувшись стаканом перед уроком географии в седьмом классе, он вдруг начал при описании Антарктиды «затирать» ученикам про четвертый рейх, сбежавшего в конце войны Гитлера, секретные базы нацистов на белом континенте и захороненные летающие тарелки под километровым слоем льда.

Эта информация, неожиданно всплывшая из дальних кладовых перегруженного мозга, словно пена на малиновом варенье, не предназначалась для неокрепших детских умов. Школяры стали задавать странные вопросы родителям, которые пошли к директрисе Алевтине Ивановне Кузьминой, кстати, спокойной и рассудительной женщине, собравшей по этому поводу педсовет. Юкко в те дни был в ударе, заявил на сходке в учительской, что базы нацистов, возможно, есть не только в Антарктиде, но и на обратной стороне луны, и этим, похоже, вывел из терпения даже звёзды.

Ну или как там решаются важные вопросы бытия? Кто режиссирует и включает нам это кино?

Вселенский маховик получил необходимый заряд и дрогнул, запустилась цепочка роковых событий.

На исходе последнего курса учебы светило солнце и хрустальные сосульки истекали холодным соком, переливаясь на фоне голубого неба.

Виктория, девушка Кирилла, шла из парикмахерской, удовлетворённо ловила весенние взгляды проходящих мужчин, а когда завернула на проспект Ленина, была обрызгана черным блестящим авто немецкой фирмы с названием из трёх букв.

— Сука! — вскрикнула Вика, с грустью оглядывая свое красивое бежевое пальто.

В это время виновник несчастья резко затормозил и подал назад. В машине открылось окошко, в котором улыбался приятный молодой человек.

— Девушка, простите меня, я не хотел, молю вас, скажите, как искупить вину? — Парень сложил руки на груди и, выпучив глаза, добавил:

— Пожалуйста, пожалуйста!

Вика засмеялась. Автомобиль был последней модели, и мальчик ничего, часы у него, кажется, тоже дорогие.

Через три дня, после лекций, в тёмном коридоре Кирилл метался, как раненый зверь, и бился головой об стену у кабинета номер триста тридцать три. Только что Виктория объявила ему о расставании.

Он забросил диплом и целыми днями лежал на диване, уткнувшись в стену, вставая только, чтобы перевернуть кассету с Брайаном Ферри.

*Slave to love
— And I can't escape
I'm a slave to love¹*

Кириллу всегда до слёз нравилась эта песня. Странно, сейчас ему казалось, Ферри знал, что будет плохо, и пел про него — раба любви.

¹ Раб любви (англ.) — И я не могу скрыться, Я — раб любви.

Изредка на краешек присаживалась его мама Татьяна Витальевна и гладила по голове убитого горем дитя.

— Ничего, сынок, всё пройдет, найдешь другую, а это несчастье только закалит тебя, и запомни, сына, главное, чтобы тебя любили больше, чем ты их, — в общем, Татьяна Витальевна говорила тот стандартный набор слов, которыми утешают все матери мира своих несчастных брошенных сыновей.

Через две недели Кирилл встал с дивана, помылся и побрился, надел костюм и сходил в деканат за списком сельских школ, нуждающихся в услугах учителя географии.

Придя домой, скинув ботинки, достал из шкафа толстенный атлас, выпущенный еще до его рождения, и начал подробно изучать северные территории Русской равнины.

Его взгляд метался среди лабиринтов рек и бескрайних болот, переваливал через возвышенности, цеплялся за изгибы береговых линий приполярных акваторий. Наконец, он выбрался на Белое море у мыса Рай-Наволоок. Надо было что-то решать.

Кирилл лег и устался на трещину в потолке, голова его была переполнена топонимами, которые звучали сказочной северорусской музыкой.

— Вороничница и Колоконница, Половинница и Голомаяная Луда, Спасов Наволок и Глазаниха, Ковкуниха да Богомолиха, а за Тонной Лудой — Мертвецкая Корга, — тихо говорил он. — Как красиво, похоже на поморское заклинание.

Он поднялся, зажал кулаки и закрыл глаза:

— *Келда, Вель,*
Сотка, Пель,
Сия, Сылога,
Лувеньга да Воньга,
Нюхча, Шуя,
деревня Уя,
райцентр Новолавела,
хочу, чтобы Вика со мною сидела, —

прошептав эту несурязицу, Кирилл ещё крепче зажмурил глаза и стиснул кулаки так, что хрустнули фаланговые суставы, а потом расслабился и замер.

Ему послышался знакомый смех... «А вдруг?..»

— Кирюша, иди кушать, — нарушил тишину матушкин голос из кухни.

«Мама, блин, ты что, издеваешься?» — он открыл глаза и огляделся вокруг. Вики рядом не было.

После ужина и пары часов блужданий по карте, минуя Малиновые Варакки, Пулонги, Валдаи и Мудьюги, Кирилл наткнулся на посёлок Клюквенный Наволок, который был в списке приоритетных направлений. Населенный пункт находился между двух озер, обрамленных, судя по непрерывной голубой штриховке, обширными болотными массивами. Он взял карандаш и несколько раз обвёл название — Клюквенный Наволок.

Так решилась судьба Кирилла. Сам ли избрал он этот путь, или чья-то высшая воля водила по карте пальцем, мы не знаем, но в любом случае этот выбор коренным образом поменяет не только его жизнь. Через боль и страдания, любовь и ненависть пройдет десяток людей. И жизнь уже не будет прежней в селе, где он будет работать учителем.

2

Государственные экзамены позади, и диплом защищён на «отлично». Документы отправлены в районный отдел, и радостные чиновники Министерства образования поставили галочку в отчете.

Лето давно перевалило за экватор, заступил на смену август, билеты куплены, рюкзак собран. И ничего не хочется.

Кирилл лежал на диване, рассматривал неизменную прореху в потолке, которая сопровождала его и в счастье и в горести — так можно изучать всю жизнь линии на своей ладони, вроде ничего не меняется, но под настроение очень увлекательное зрелище.

На эту же трещину в бетоне смотрела Виктория, когда у них случилось в первый раз. Он неловко ёрзал, потом затих и пытался найти ее взгляд. Вика спокойно покосилась на него прозрачными глазами, потом немного подождала и спросила:

— Где ванная?

От нахлынувших воспоминаний стало тошно. Кирилл вздохнул, взгляд перешёл с потолка на плакат с Сильвестром Сталлоне в роли Джона Рэмбо.

Зазвонил телефон, он встал, прошёл в прихожую, взял трубку:

— Аллю.

— Полкило ряпухи не желаете? — спросили на том конце провода.

— Пожалуй, возьму килограмм!

— Может, пойдём, прогуляемся? — это был его друг Пётр Казаков.

— Пойдём.

Они встретились на остановке, сели в потрёпанный грязно-жёлтый «ЛиАЗик» и доехали до набережной. В ларьке купили по паре склянок четвёртого номера, разместились на гранитных блоках. Много шутили, но с каким-то тоскливым оттенком, гораздо темнее, чем выпитое ими пиво. Время бежало, августовская ночь уронила чёрный занавес, молодёжи вокруг стало ещё больше, чем днём. Тёплый воздух заполнился пьяными визгами.

— Давай двинем куда-нибудь, где потише, да возьмём что-нибудь покрепче, — предложил Кирилл.

— Давай.

В ларьке за железнодорожным вокзалом, пошарив по карманам, наскребли на две бутылки «Стрелецкой» горькой настойки, полкило колбасы, хлеб и пластиковые стаканчики.

Зашли в ближайший подъезд хрущёвки, поднялись и решили остановиться в пролёте между четвёртым и пятым этажами. На ступеньках разложили снедь, полюбовались натюрмортом: приглушённый свет, мятая коричневая упаковочная бумага, колбасный круг, кубик хлеба и вытянутые башни поллитровок из тёмного стекла.

— Фальк бы оценил, — заметил наш герой, обучавшийся некоторое время в художественной школе.

Выпили. Потом еще по одной.

— Слушай, еще толком нигде не работали, горя не видели, а пьём уже, как выдавшие жизнь бродяги — в подъезде, — отламывая хлеб, сказал Кирилл.

— Да уж, — согласился Петя и глотнул из стаканчика.

Сидели рядом на ступеньках и молча заливали «горькую». Накатило какое-то грустное опьянение.

— Представляешь, возможно, мы с тобой больше никогда и не посидим так, не выпьем, а может, и не встретимся, — сказал Петр и ткнулся головой товарищу в плечо. — Ты уедешь в свою деревню, я в армию. Дороги разойдутся навсегда.

Хлопнула подъездная дверь. Кто-то поднимался, похоже, на пятый этаж. Высокий мужчина, лет сорока, в костюме, поравнявшись, увидел на ступеньках остатки тайной вечери. Вероятно, желая вздрючить пьяных бездельников, напрягся и встал в угрожающую позу.

— Доброй ночи, а возможно, утра! — мирно сказал Кирилл, опередив его любые претензии, меньше всего хотелось сейчас конфликтов.

— Скорее утра, — согласился мужик, расслабившись. — Вы тут мусор уберите потом.

— Конечно, конечно, — заверил его Петя, услужливо подвигаясь, пропуская жильца.

Мужчина поднялся к себе в квартиру, а друзья допили «Стрелецкую» и вышли на воздух, оставив мусор на ступеньках. Светило оранжевое утреннее солнышко.

— Чувак не соврал. Действительно, утро, — сказал Кирилл.

Пройдя до ближайшей остановки, дождались первого автобуса и, стараясь быть незаметными, зайдя, скукожились на задней площадке. В пустом салоне спрятаться проблематично.

Кассирша сразу же подошла к безбилетникам.

— Проездной или платите, — строго сказала она.

Пьяные «зайцы» молча смотрели в окно.

— Мне долго ждать? Ну!

— А-а, а п-а-т-а-м-у чт-а нам некогда! — хором гордо ответили будущий педагог и военный топограф, повернувшись к билетёрше.

— Вот ведь молодёжь пошла, поганцы! — не поняв специфического юмора, она шлепнула по кнопке экстренной остановки.

Автобус затормозил, открыл двери, и два единственных пассажира вывалились наружу.

Пешком осталось совсем немного. По дороге встретилась поливочная машина. Водитель перекуривал, открыв кабину.

— Шеф, включи водичку на минуточку, пожалуйста? — попросил Кирилл и повернулся спиной, широко раскинув руки.

Мужик выплюнул хабарик, улыбнулся и включил струю, наверно, подумав: «Хоть какое-то развлечение с утра». Нашего героя окатило с ног до головы ледяным потоком, повернувшись лицом, он увидел, что водомётчик смеётся и добавляет напора.

Петя курил рядом с машиной и тоже хохотал.

— Спасибо, дядя! — крикнул Кирилл, отпрыгнув в сторону.

Дальше шагали веселее. Печаль смыло поливальной машиной, и мысли закрутились в голове. Придя домой, Кирилл скинул мокрые кеды, зашёл в свою комнату и посмотрел на Рэмбо.

— Чего, Джонни, зыришь, где наша не пропадала? Прорвёмся! — он сдёрнул одежду и прыгнул на диван.

Поезд выходил из последней кривой к станции. Замелькали гаражи и огороды райцентра. Кирилл нащупал телефон, посмотрел время. Голубовато-серая «Нокиа» ловко, как ручка финского ножа, уместилась в ладонь. «Сотовый» подарила ему мама перед отъездом, чтобы он всегда был на связи. До вчерашнего дня своего телефона у него не было, только у Вики. Он вспомнил, как разгружал вагоны, откладывая деньги со стипендии, чтобы обрадовать на Новый год любимую девушку. Но ей не понравился цвет подаренной трубки, и пришлось идти сразу после праздников в салон, со скандалом менять синий мобильник на розовый. Смешно, но в «сотовом» забит только один абонент — его домашний с именем «Мама. Дом». Повертев телефон, зайдя в контакты, Кирилл записал второй, хорошо ему знакомый номер и имя хозяйки — «Виктория». Внезапно сдавило грудь. В это время в тамбур зашла проводница.

— Что, не терпится на твёрдую землю? — спросила она.

Он отвлёкся от кнопок, кивнул и улыбнулся через силу, сделал вид, что пишет сообщение. Тупо глядел на светящийся экран с любимым именем, чтобы больше ничего не напоминало о нём, он сократил «Виктория» до буквы «В» и положил телефон в карман.

Поезд, громко лязгнув напоследок, остановился.

Вытащив рюкзак и поблагодарив проводницу, Кирилл двинулся под серой моросью к привокзальной площади. Голубое деревянное здание автостанции находилось напротив железнодорожного вокзала. Внутри, в полумраке, на деревянных зеленых скамейках с жесткими спинками сидели и лежали люди с уставшими лицами. У стены храпел на лавке крупный с

взъерошенными серебряными кудрями мужик лет шестидесяти. Клетчатая кепка была надвинута на лицо и колыхалась в такт дыханию.

Кирилл прошёл к кассе и купил билет до Клюквенного Наволока. Ближайший автобус отправлялся через два часа.

Можно было перекусить. Он нашёл свободное место, поставил рюкзак и достал ложку, хлеб и одноразовый бокс с мясным салатом, который с вечера ему приготовила мама.

Кирилл жевал, задумавшись, и не чувствовал вкуса, впереди была неизвестность.

Вдруг у стены раздался шум и хрип. На полу заколотился в судорогах мужчина, он упал во сне со скамейки. Народ замер, бабули крестились. Припадок был сильный, человек бился головой об пол и выламывал руки и ноги. Белая пена пузырилась на подбородке и стекала вниз.

Кирилл отбросил плошку с салатом, подбежал к эпилептику, положил лохматую крупную голову к себе на колено, разжал зубы и засунул ложку поперек челюсти. Через пару минуту человек затих и открыл глаза. Лицо гладкое, не по возрасту, смуглая кожа, почти без морщин, раскосые, тёмные глаза, только две вертикальные глубокие трещины на лбу и седина выдавали года. Человек посмотрел удивленно на Кирилла, вынул сталь из рта, сел и оглянулся вокруг. Люди отводили глаза. Атмосфера в зале была такая, как будто произошло что-то ужасно неловкое, нечистое, и окружающим было стыдно за этого несчастного больного, только что извивавшегося в конвульсиях на грязном полу.

Мужчина подобрал кепку, с трудом встал и оказался выше нашего героя на полголовы.

— Спасибо, извините, пожалуйста, — сказал он, протягивая ложку, вымазанную майонезом пополам с припадочной пеной.

— Да ничего, бывает, оставьте себе, — сказал Кирилл, помогая ему сесть на лавку, — будьте здоровы!

Стараясь не показывать волнения, он шагнул к своему рюкзаку, взвалил на плечо, взял недоеденный обед и двинулся к выходу. На улице Кирилл облегченно выдохнул, прошёл за угол и прислонился к стене.

«Может, ну его, Кирюша, поедem-ка домой, к маме. Какие-то начались нехорошие знаки».

Кирилла точило сомнение. Рядом гудела и манила железная дорога, вокзал, кассы. Грузовой состав прошумел на юг, в родную сторону. До автобуса оставалось чуть больше часа.

Подул ветерок, дождь закончился, и из-за туч показалось бледное рахитичное северное солнышко. Вдоль дорожной обочины мимо автостанции пробежала целая свора разношёрстных дворняг, во главе которой резвился мохнатый здоровый бурый пёс. По дорожной пыли следом за ним тянулся двухметровый кусок лодочной цепи. Барбос вырвался на свободу. Вокруг беглеца радостно подпрыгивали и повизгивали зверушки поменьше, с разной степенью обтрёпанности и процентным содержанием благородных кровей.

Кирилл свистнул, поставил плошку с салатом на землю и предусмотрительно отошёл. Барбос не заставил себя ждать, рванулся к угощению. Через минуту с едой было покончено, компания побежала по своим важным собачьим делам, а Кирилл твёрдо решил не отступать от намеченного пути.

Садясь в запыленный «Пазик», он встретился глазами с мужчиной в клетчатой кепке, тот кивнул Кириллу и отвернулся к окну.

Наш герой разместился на последнем длинном сиденье, которое было в полном его распоряжении. Автобус ехал полупустой.

За окнами опять замелькали скучные леса и болота. Кирилл положил сумку под голову, скинул ботинки и заснул под убаюкивающее рычание мотора. В салоне было жарко, сломанная печка включалась по умолчанию при заведённом двигателе.

Ему приснилось, что он стоит на площади перед пыльным южным вокзалом и земля трясётся от проходящих гружёных составов. Кирилл не попал на поезд, забитый пьяными

гастарбайтерами. Жарко. Очень хотелось пить. Он побрёл по отходящей вправо улице и увидел светло-жёлтый дом, в стене торчала металлическая трубка, из которой текла струйка воды толщиной с карандаш. Рядом, на кривом табурете, сидела девушка с соломенными волосами.

— Можно попить?

Она подала стаканчик. Вода была солоноватой.

— Какая солёная вода, — сказал он.

— Это не вода, это слёзы, — грустно улыбнулась девушка с соломенными волосами.

«Пазик», раскачиваясь и пыхтя, выехал на гору, с которой открылся вид на большой посёлок, озёра и лес. За ними раскинулась торфяная равнина, похожая на рыжее лоскутное одеяло со светло-зелеными заплатами сосновых колков и тёмными пятнами заболоченной еловой корбы.

Автобус затормозил у школы, подняв клубы пыли. Кирилл неловко выкарабкался со своим скарбом из узкой двери. Он смотрел на двухэтажное деревянное здание с большими окнами. Лихорадочно застучало сердце, по телу прокатилось какое-то дотоле неизвестное предчувствие, болезненной и сладкой волной откатившись от груди и ударившись в мозг, так что потемнело в глазах и мурашки побежали по спине.

Возможно, на другом берегу чёрной реки мироздания из пространственно-временной лакуны с хранилищем данных произошла утечка информации и к нашему герою прилетела в подсознание весточка из будущего о важных событиях, связанных с ним, что произойдут в этом здании, — самых главных событиях в его короткой жизни.

Школа была открыта. Оставив рюкзак у входа, новый учитель двинулся через коридор в светлую рекреацию, осторожно ступая, но все равно поскрипывая старыми досками. На каждом двери висели таблички с красивыми вензелями, расписанные выжигателем. Кабинет географии имел номер двенадцать и находился на втором этаже сразу же у лестницы. Кирилл провёл рукой по белой свежевыкрашенной двери, она была старинная, когда-то с красивой фигурной фрезеровкой, теперь еле видной за многолетними слоями краски, которые накладывались каждое лето, долгое время формируя новый тип современных осадочных отложений. Наверное, если сделать срез покрытия, то можно было бы посчитать, как по годовым кольцам дерева, сколько лет этой школе.

«Да, конечно, очень важное дело, и заниматься этим будут в научно-исследовательском институте «Лакокрасочная хронология», — подумал Кирилл.

Он бродил по рекреациям и коридорам, пока не наткнулся на дверь с надписью «Директор». Постучался.

— Войдите, — отозвался тихий голос.

Его встретила директриса Алевтина Ивановна, милая седая женщина в лекторских очках — он уже был заочно по телефону знаком с ней.

— Здравствуйте, я Кирилл — ваш новый учитель географии, если возьмёте, конечно, — он улыбнулся.

— Здравствуйте, Кирилл Николаевич, здесь вас будут звать по отчеству, привыкайте. Присаживайтесь, надо обсудить ряд вопросов.

— Значит, так, Кирилл Николаевич, — очень серьезно начала директриса. — Вы оформлены с завтрашнего дня, даю время на обустройство до выходных, и с понедельника приступайте к своим обязанностям. Остаётся немного времени до начала учебного года, ознакомьтесь с материальной базой, пособиями и картами. Приберитесь в лаборантской, а то у Юкко Матвеевича, учителя, который у нас замещал географа, там страшный беспорядок. — Она достала два ключа. — Вот ключи: от кабинета и подсобки, можете оставить себе, у нас есть дубликаты. Надеюсь, вы не курите?

— Нет.

— Это хорошо.

— Да, вот ещё что, — её голос заметно смягчился. — У нас возникла серьезная проблема, и я думаю, что вы поможете нам, — она сняла очки и посмотрела в окно.

— Конечно, помогу, если это в моих силах.

— Длинная и сложная история, но я постараюсь вас не задерживать долго.

У нас в школе есть замечательный человек, Семён Васильевич Ипатов, биолог, учитель от Бога. Наши дети в столицу на биофак поступали, хорошо готовил, олимпиады областные выигрывали, — Алевтина Ивановна вздохнула.

Кирилл внимательно смотрел на неё. Директриса поведала ему странную, жутковатую историю, и во время её тихого, монотонного рассказа ему показалось, что Алевтина Ивановна будто уменьшилась в размерах, превратилась в обычную причитающую бабулю с добрыми глазами, только без платочка на голове.

— ... Человек он бездетный, вдовец, живёт, точнее, жил в большом доме, если пройдёте по дороге до северной окраины, его последней двор перед лесом. Мужчина хороший, только в личной жизни не задалось. С Ириной, женой его, детей Бог не дал, а ведь как любили друг друга. Работать Семен ей запретил, разве что по дому да с цветочками в огороде. Любила за ягодками, за грибками сходить. А так всё время у окошка сидела, на птичек смотрела. Кормушку он ей сделал, как теремок. Сам всех птиц знал наизусть, да по латыни ещё и её научил. Так Ириша с птичками умом и тронулась, они её уже не боялись, с ладони клевали. С людьми совсем перестала общаться, когда выходила, редко, правда, на прохожих вдруг набрасывалась с руганью и оскорблениями, гадости ужасные кричала, что и не передать, а тоже ведь из интеллигентной семьи. Пошло, поехало, что пыталась свой дом поджечь, вот и увезли в психушку. Потом уже соседка рассказывала, что в тот день, ближе к обеду, Ириша вышла на улицу с банкой и со свечкой горящей, плеснула чем-то на кормушку с птицами и подожгла её. Некоторые птахи выпорхнули и полетели, пламенем объятые, посыпались синички огненными комочками. Остатки керосина (позже выяснилось, что это было горючее для ламп) Ирина выплеснула на дом. Тут уж соседка выскочила, закричала да народ подоспел, скрутили её. Отправили в райцентр в больницу.

Спустя три недели вернулась ниже травы, и раньше-то словечка не дождёшься, а тут даже с Семеном наедине молчала. Но успокоилась после лечения, не знаю, чем там пичкали, больно уж заторможенной стала. В лес всё равно ходила, там и сгинула. Прошлой осенью ушла за клюквой и не вернулась, у них там как раз тропинка идёт от дома, через три километра болота бескрайние начинаются.

Искать-то никто, по правде, и не разыскивал толком. Только Семён бегал по селу, кричал, просил помощи для поисков, исхудал, из лесу не вылезал, работу закинул. Ириша как воду канула.

Спасибо Юкко Матвеевичу, тот старался, подменял Семёна, про пестики, тычинки рассказывал. В ботанике он специалист. Зоология преподавалась, я так понимаю, по личному охотничьему опыту, а анатомия с общей биологией, не буду лукавить, запущена. Упал, конечно, уровень знаний у детей.

В конце июня Семён Васильевич взял отпуск, собрал платья Ирины, сложил в пустой гроб и похоронил. Даже поминки справил, правда, народу немного пришло, постеснялись люди. Больше месяца Семён пил.

— Кстати, надеюсь, у вас, Кирилл Николаевич, с этим делом проблем нет? — вдруг прервавшись, очень строго, совершенно другим тоном, спросила Алевтина Ивановна, бросив внимательный взгляд поверх очков.

— Да ну что вы! — поспешно воскликнул Кирилл, заёрзав на стуле.

— Хорошо.

Она продолжила:

— Три дня назад, вечером, Семён обложил дом дровами и хворостом и поджёг. Так и стоял у пожарища, с котом на руках. Ещё все цветы домашние, герани да фиалки, из дома вынес. Мужики подбежали с ведрами, попытались залить пламя. Не давал же, драться полез. Кричал: «Не тушите, пусть ярче горит, может, Ириша увидит зарево, найдет правильную тропинку и вернётся домой».

— Не пожалел наш Семён Васильевич даже отцовского дома, а всё для того, чтобы дорогу мёртвой жене показать, — Алевтина Ивановна ещё раз тяжело вздохнула.

— И что с ним теперь? — спросил Кирилл.

— Скрутили его и увезли в район, в ту самую лечебницу, где Ирину держали. Никто не знает, надолго ли его там закрыли, но я уверена наверняка, что учителем он работать не сможет.

— И теперь вы хотите предложить мне, помимо географии, вести биологию?

— А вы догадливый, Кирилл Николаевич! Надеюсь, войдёте в наше положение. Хотя бы первое время. У вас же стоит в дипломе биология?

— Я имею право преподавать, до... до девятого класса. Вы знаете, общая биология и генетика, как-то мимо прошли. Впрочем, да, я соглашусь. Раз, как вы говорите, зовут товарища, Юкко Матвеевич? Раз ваш учитель труда смог, так и я смогу, — улыбнулся Кирилл, — да и как можно отказаться, если уже приехал за тысячу километров.

— Отлично, Кирилл Николаевич, думаю, мы с вами сработаемся, — Алевтина Ивановна преобразилась в чиновничье обличье и перешла на строгий, деловой тон. — Итак, в ваши должностные обязанности теперь входит, помимо физической и экономической географии, преподавание естествознания, ботаники, зоологии, анатомии и общая биологии с генетикой. Ученики с пятого по одиннадцатый класс. Предупреждаю, дети разные, есть очень сложные. Впрочем, сами всё увидите.

Она достала из ящика ещё три ключа, два в связке и один покрупней отдельно.

— Вот ключи от кабинета биологии и лаборантской, а большой — от вашей квартиры, она неподалеку находится, через дорогу, переулок Боровой, дом два, квартира один. Вы увидите, поворот налево у большой ели. Платить будете только за электричество, дрова привезут. Вода в колоде через дорогу, посуда и ведра в доме есть. До понедельника, Кирилл Николаевич.

— До свидания, Алевтина Ивановна, — попрощался Кирилл. Подняв свой рюкзак, вышел на дорогу.

«Свезло так свезло, — на него навалился такой груз, что рюкзак показался невесомым. — Бляха муха, пестики, тычинки и митоз с мейозом. ... Не мой конёк, надо будет освежить биологию». Обдумывая тяжёлую долю сельского учителя-универсала, он, минуя любопытные взгляды случайных прохожих, выбрался к огромной пушистой ёлке в два обхвата и повернул налево.

Кирилл прошёл по тропинке мимо забора, покосившегося сортира, сколоченного из посеревших от времени досок, и увидел дом такого же цвета, что и туалет. Это был щитовой барак на четыре клетушки. Соседские апартаменты пустовали, на двери с номером два висел большой амбарный ржавый замок. Помещение предназначалось для учителя информатики, который так и не появился в новом учебном году. Хату за задней стеной занимала тихая пенсионерка, которую за всё время жития Кирилл видел раза два, она уезжала на зиму в город, к дочери, а с четвёртой недавно снялась молодая семья на заработки в райцентр.

— Здравствуй, дом, милый дом, — Кирилл отворил дверь квартиры и ступил через коридор на кухню, помещение два на четыре метра, большую часть которого занимала дровяная плита с двумя конфорками. У окна стоял небольшой стол, покрытый клетчатой красно-голубой клеёнкой, рядом два винтажных табурета. Холодильник отсутствовал как класс.

Кирилл протиснулся в комнату, скинул рюкзак и сумку. Обстановка приятно удивила. Ничего лишнего, большая железная кровать с шишечками и высоким матрасом, стол, пара

стульев и старинный красноватый сервант с дребезжащий при каждом шаге посудой. Неожиданным бонусом оказался гипсовый бюст Пушкина, который косился с полки на нового своего сожителя. Позже Кирилл выяснил, что Пушкин — это наследство от молодой учительницы французского языка, не продержавшейся в школе даже полугода. Что послужило причиной её поспешного бегства — грубоватые деревенские дети, одиночество или нелёгкий быт — не известно, но скрылась француженка без предупреждения с первыми ноябрьскими морозами, и, подобно Наполеону, бросившему свою армию, она забыла в шкафу несколько книжек французских поэтов и бюст Александра Сергеевича.

Вы скажете: как романтично: долгими зимними вечерами, под треск горящих поленьев, молодой сельский учитель будет читать Бодлера, Верлена или там Рембо. К сожалению, нет и еще раз нет! Все книжки были на французском языке, а ждала их печальная участь погибнуть в огне, в один из тех дней, когда Кирилл, навоевавшийся за день с нерадивыми учениками, проигрывал сражение с печкой и сырыми дровами. Газеты и растопка закончились. Психанув, он побросал поэтов в топку с шипящей осиной. Ах, как запылал Рембо:

*J'ai vu des archipels sidéraux! et des îles
Dont les cieux délirants sont ouverts au vogueur:
— Est-ce en ces nuits sans fonds que tu dors et t'exiles,
Million d'oiseaux d'or, ô future Vigueur?*²

Верлен с Бодлером слишком отсырели и долго тлели, но потом тоже занялись весёлым огоньком. Через несколько минут стихи превратились в пепел, а поленья так и не загорелись. Кирилл не смог победить холод, жертва была напрасной, и французская поэзия не согрела озябшего учителя. В два ночи он выгреб чадающие головешки в ведро и выбросил их в сугроб у двери, а сам лёг, не раздеваясь, в ледяную кровать и закутался в спальник.

На следующий день восьмиклассник Серёжа Синицын, проходя мимо учительского стола, приняхавшись, сделал громкое замечание:

— Кирилл Николаевич, пахнет чем-то копчёным или палёным. У вас ничего не подгорело?

Класс захихикал.

— Подгорело, Серёжа, подгорело! Моё терпение! Приготовьте листочки, будете писать проверочную работу.

Кирилл достал из рюкзака бельё. Мама собрала ему два комплекта тёмно-синего цвета с разбросанными маленькими белыми цветочками. Заправил постель. Развернул спальник мешок и засунул в пододеяльник. Присел на матрас — хорошо, удобно! В детстве похожая купеческая кровать была у бабушки в деревне.

Вспомнил, что надо позвонить домой.

— Алло, мам, привет, я на месте, жильё дали замечательное. Не плачь, мам, у меня все хорошо. До свидания, мам.

Он скинул ботинки и потянулся до хруста в суставах, посмотрел вверх, потолок оббит фанерой и выкрашен белой краской, прямо над изголовьем проходила балка из струганого бруса, разбитого продольными разрывами в палец толщиной. «Опять трещина». Кирилл улыбнулся и закрыл глаза.

² Были звёздные архипелаги и были Острова... их просторы бредовы, как сон. В их бездонных ночах затаилась не ты ли Мошь грядущая — птиц золотых миллион? Перевод с фр. Е. Головина

Проснулся уже в сумерках, захотелось в туалет. Обулся, вышел в коридор длиной в пару метров. Кирилл сделал пять шагов, потом еще десять, потянул руку к входной двери, но не смог достать. Ускорил движение и побежал. Мчался что есть силы, как на последнюю электричку, едва не задевая локтями стенки узкого прохода. Собравшись, он прыгнул и толкнул дверь, чуть не упав на крыльцо.

На улице стемнело, за огородами тлел край неба, в другой стороне показались звёзды, сверкавшие гораздо ярче тусклого уличного фонаря у дома. Они мерцали красноватым огнем и медленно падали, как будто паря в воздухе, увеличиваясь до размеров монет и шариков для настольного тенниса. Звёзды летели к нему. Вдруг одна спланировала прямо во двор и потухла, потом другая, третья, как хлопья пылающего снега, они медленно оседали на землю и гасли, сотни и тысячи маленьких огоньков размером с детский кулачок. Кирилл опустился на корточки и положил один потухший комочек на ладонь, присмотревшись, он разглядел клюв, лапки и почерневшие опалённые перья — в его руках лежала маленькая сгоревшая птица. Поднявшись, он увидел, что вся земля засыпана по щиколотку обугленными догоравшими птицами.

3

В понедельник с восьми утра Кирилл разгребал в узкой подсобке за кабинетом географии, гордо называемой лаборантской, завалы из глобусов, разрозненных минералов из разных коллекций, рулонов с картами и залежей прочего иллюстративного мусора.

Бывает такое, наводишь порядок в шкафу со старыми книгами, найдёшь утерянную когда-то очень интересную научно-популярную брошюру, плюхнешься на пол среди башен из томов и собраний и забудешь обо всём. Очнёшься, вот уже и вечер наступил, время летит незаметно. Кирилл увлёкся, сортируя схемы по геологическим и почвообразующим процессам, рельефу, климату отдельных материков и природных зон, он зависал над некоторыми листами, вспоминая курсы общей геологии, землеведения и географии материков и океанов. К своему удовлетворению, заметил, что многие вещи он мог бы объяснить лучше, чем на картинках, а некоторые выкладки и вовсе устарели, так что учёба в вузе прошла не зря.

Пару раз с утра заглядывала Алевтина Ивановна, но, удостоверившись, что новый работник занят и, судя по всему, добросовестно исполняет свои обязанности, больше его не беспокоила.

Среди наглядных материалов любознательный географ откопал репродукцию Поля Гогена: двух таитянок с фруктами и цветами. Наверное, подразумевалось, что при описании внешних особенностей местных жителей Полинезии учитель должен продемонстрировать эту картину. На практике это вряд ли осуществлялось, судя по толстому слою пыли на пожелтевшем картоне. В поурочном планировании в тетрадях Кирилла о женщинах Океании тоже ничего не было, поэтому он решил, что пусть лучше Гоген украсит его скромное жилище.

Шедевр мировой живописи органично вошёл в простенок над кроватью, и две молодые девушки с Таити стали свидетелями многих бурных сцен, разыгрываемых в нашей пьесе главным героем на тускло освещённых подмостках размером четыре на три метра.

После обеда, состоящего из булки и литра кефира, Кирилл перебрался в кабинет биологии. В лаборантской, не в пример обширней закутка в классе географии, царил порядок. Натёртые до блеска микроскопы замерли в звеньях по четыре за стеклянными витринами шкафов, на стеллажах в шеренге по одному, клюв к клюву выстроились чучела грачей. Приготовленные учебники разложены в идеальных стопках. Пособия рассортированы по классам, от ботаники к общей биологии, каждая в своей ячейке, сколоченной из тонких отшлифованных реек.

— Эх, Семён Васильевич, какой же вы молодец, — воскликнул Кирилл, оглядевшись. — Как жаль, что так получилось.

Семён Ипатов, как заметила директриса: «учитель от Бога», — уставший мужчина средних лет, облачённый в растянутые спортивные и хэбэшный серый халат, в это время стоял с открытым ртом перед дежурной сестрой, показывая, что добросовестно проглотил выданные ему послеобеденные таблетки.

Кабинет биологии утопал в цветах, на каждом горшке наклеена этикетка с русским названием и видовым обозначением на латинском языке. Знаток комнатных растений Кирилл был так себе, из всего многообразия узнал только герань, фиалку и алоэ.

«Да еще вот этот с жёсткими листьями — „тёщин язык“ вроде бы».

Он потрогал продолговатый зелёный полосчатый лист.

— Знаете, как называется этот цветок? — раздалось за спиной географа.

Кирилл вздрогнул и повернулся. У двери улыбался голубоглазый коренастый мужчина с седым ёжиком и перебитым боксёрским носом.

— «Тёщин язык»? — неуверенно ответил Кирилл.

— Сансевиерия! Семён, кстати, не любил простонародные названия, всё ему надо было по науке.

— Сансевиерия, — повторил Кирилл, — красивое слово, звучит, как испанское женское имя. Решено, назову свою первую дочь Сансевиерией.

Мужчина со сломанным носом рассмеялся.

— Я — Юкко, учитель труда и так сказать антикризисный менеджер на все руки, даже англичанку замещал, — он протянул руку молодому коллеге.

— Очень приятно. Кирилл, ваш новый географ и, как оказалось, биолог.

Юкко зажал пятерню нового товарища широкой мозолистой ладонью.

— Можно на «ты», Кирилл?

— Без проблем.

— Вижу, у Семёна оставлено всё в порядке. Предлагаю тебе, мой юный друг, спуститься в кузню Гефеста, в царство огня и труда, и отведать за знакомство неразбавленного вина, — с этими словами Юкко, не дождавшись ответа, мягко приобняв Кирилла, как старого хорошего знакомого, увлёк в свои мастерские.

В распоряжении Юкко Матвеевича были два класса: слесарный, с токарными станками и широкими столами, оббитыми толстым листовым железом с прикрученными чугунными наковальнями, чёрными тисками, и столярный — с верстаками для работы по дереву. В торце второго кабинета находился шкаф с развешанными ножовками, стамесками и киянками. Подойдя к нему, Юкко двинул плечом, стенка с инструментами плавно отъехала влево.

— Прошу к нашему шалашу, — подмигнул он.

Кирилл заглянул в маленькую уютную комнатку с диваном и журнальным столиком.

— У вас тут, как в Версале, тайные покои и секретные двери.

— Кирилл, мы же на «ты».

— Как-то непривычно, всё-таки разница в возрасте.

— Мне всего полтинник, — Юкко перегнулся за диван и достал из маленького холодильника бутылку с прозрачной жидкостью, кусок сала и банку с солёными огурцами.

— Ничего себе «всего», до тридцати бы дожить.

— Не смей мои седые ноги, «дожить», — хохотнув, трудовик расставил угощение на столе, взял из маленького самодельного настенного шкафчика тарелки, стопки, складной нож и полбуханки хлеба. Ловко раскрыв складень одной рукой, нашинковал сало и хлеб.

— Сколько тебе, двадцать два, двадцать три?

— Двадцать три.

— Банально прозвучит, но в твоём возрасте жизнь, можно сказать, и не начиналась, — Юкко взял бутылку и посмотрел на Кирилла. — Наверно, ты считаешь себя взрослым, но

извини, сейчас не война. Только на фронте люди выросли в восемнадцать за считанные дни на передовой. Ты думаешь: «Ого! Я видел кое-что», — и даже был влюблён. Скорее всего, тебя бросили, и от обиды и страданий ты убежал сюда.

— Да, как так, Юкко, — прямо в точку, хотя мне стыдно признаться в этом!

— Юкко пожил, Юкко знает! Кто еще по своей воле в наш клюквенный угол заглянет, разве только на охоту или за ягодами. Давай-ка выпьем за знакомство, — он наполнил стопки и передал одну молодому коллеге. — Будь здоров! — выдохнул трудовик и сразу выпил.

Кирилл задумался. Почему-то вспомнил, как целовал смеющуюся под дождём Викторию.

— Чего греешь, пей, а то стоит тут, как Алла Пугачева с микрофоном. Не бойсь, самогон личного приготовления, проверенный.

Кирилл отогнал от себя сладкие видения и опрокинул содержимое в рот, поперхнулся слегка, резко выдохнул и закусил салом.

— Ну хорошо ведь?

— Да вроде ничего, — сказал Кирилл, присаживаясь на край дивана.

Юкко придвинул к себе стул.

— Рассказывай, как докатился да такой жизни?

— А что рассказывать, вы, кажется, знаете обо мне всю подноготную: отучился, в армию меня не берут, с сердцем проблемы, оно болит иногда, не бьётся, как надо, — аритмию ставят. Взял направление сюда... Сажу с вами, то есть с тобой, Юкко, пью самогон. Еще хочу заметить — всё правда: меня бросила девушка, и, возможно, это действительно сыграло какую-то роль в выборе места моей добровольной ссылки.

— Родители как отнеслись, что ты уехал? — спросил Юкко, разливая горький напиток.

— Мама переживает, все-таки единственный сын, а отца нет, скоро как пять лет без папы.

— Давай за маму, дай Бог ей здоровья!

Вторая пошла легче. Кирилл выудил огурец из банки, хрустнул: «Вкусно!»

— Что мы всё обо мне, расскажи лучше, Юкко, о коллективе в школе, про учеников, чем люди живут в поселке?

— Жизнь, Кирюша, к югу от мексиканской границы не очень весёлая. После самоубийства большой страны покатила наша телега взад, да ещё быстро как — по камешкам да по ухабинам. Вся развалилась, одни щепки на обочине. Раньше леспромхоз был, промкомбинат, рамы, двери, да что, там, даже мебель делали. Я, кстати, на нём трудился, когда после армии пришел. В школе — всё местного производства, от сруба до стульев. Зверосовхоз работал, чернобурку выращивали, наши меха призы получали на международных выставках. Может, видел развалины на въезде, это наш Колизей, местная достопримечательность, коровники образцовые, нерентабельные оказались. Эх, было время! А сейчас — деградация и возвращение к натуральному хозяйству и собирательству: огороды, ягоды, грибы. Скоро за корешками в лес пойдём и про колесо забудем, а что — индейцы до Колумба на волокушах грузы прекрасно перетаскивали.

Юкко сделал паузу и плеснул в стопку самогону.

— Но не всё так плохо в Датском королевстве, есть и прогресс, ты его не видишь, а он есть. Выпьем, Кирилл, за прогресс, — он замахнул стопарь, занюхал хлебом.

— По весне вышку поставили сотовой связи, теперь даже в лесу можно болтать. А то раньше смех был, Витка Базлаев, скупщик ягод, клюквенный король, телефон купил в городе год назад, крутой ходил, с мобилой на шее, а связи нет. Так, поиграть только. Вот тебе пример, когда деньги есть, а маслица в голове — чутка на доньшке. По некоторым направлениям техническое развитие идёт, глянь, по селу — на каждом втором доме по тарелке спутниковой. Бабки последнее выкладывают, крыша съезжает, пол провален, крыльцо упало, но главное — чудо техники висит. Голубой глаз должен гореть, не затухая, как доменная печь.

— Значит, выбираемся из ямы, Юкко, пенсии платят, обещают учителям и врачам зарплату поднять. Мне в районном отделе образования подъёмные даже грозились выдать, — Кирилл сам не заметил, как выпил очередную порцию самогона, совсем не ощутил горечи, но почувствовал, как запылали щеки.

— Понимаешь, Кирюша, проблема кроется в несправедливости распределения благ. Ты говоришь, что врачи, учителя, инженеры, шахтеры, станут жить лучше. Станут, наверно, когда им смахнут метлой крошки с пола, после трапезы центровых слуг, понимаешь, даже не со стола. С грязного кухонного пола! — Юкко топнул ногой по чистым свежевыкрашенным половицам, и горькая водица дрогнула в бутылке. — Мы все пыль под ногами этих чертей, которые рвут мою страну. Жил один римский папа давненько, страдал чревоугодием, целый день он кушал, жрал, заталкивал в себя до изнеможения, принимал рвотный порошок, освобождал желудок, а потом опять трескал всякие разносолы и снова блевал, и это в голодной средневековой Европе. Так вот сейчас верховые мракобесы едят нашу Родину, отламывают огромные куски, глотают, давятся и вроде наелись, а всё равно мало, их полоскает, а они опять жрут. Ты не смотри, Кирилл, что я финн, я красный, свой и сын красного финна. Отец мой самого Ленина видел! И душа у меня хочет справедливости, и земля мне эта родная. В прямом смысле! Меня мать здесь прямо на болоте родила, когда за клюквой ходила, тут недалеко в четырёх километрах.

Распалённый Юкко плеснул самогону, встал и торжественно объявил:

— Выпьем за то, что дорого каждому нормальному человеку, — за правду! И я точно знаю, что засияет солнце над Северной Элладой!

Кирилл потряхивал стопку и наблюдал за рябью на жгучей воде, пламенная речь проходила мимо.

— Эй, микрофонщик, сколько можно держать, кипит уже, — Юкко протянул ему огурец.

— Спасибо. Выпьем за правду! — Кирилл осушил вверенную ему посуду и почувствовал, что хмелеет, — Юкко, садись, остынь, а то мы сейчас пойдём сельсовет с почтой штурмовать. Ты про коллектив лучше расскажи, что за люди, как атмосфера?

— Благодаря Алевтине, школа на хорошем счету, процентов сорок детей поступает в ВУЗы, то есть из десяти выпускников — четыре человека. Для нашей деревни это суперский результат. В основном преподают пенсионеры, никто не хочет к нам ехать. Учителя дружные. Сам увидишь. Историк — интересный мужик, не без странностей, конечно, Андрей Абрамович, чуток за сорокет, ты с ним подружись. Организуем здесь ячейку за справедливость. Эх, жалко биолог наш, Семён, соскочил. Слышал, небось, о пожаре? Пушистая пришла, ничего не поделаешь. Прежней жизнь для него уже не будет, — Юкко налил ещё.

— Мне хватит, зацепило. Давно самогон не пил, — Кирилл прикрыл ладонью стопку.

— Еще по глоточку и всё, договорились?

Выпили еще по одной. Юкко расстегнул верхнюю пуговку на рубашке.

— Физкультура у нас в почёте, секция лыжная гремит в районе, ведёт старик, Павел Валерьянович, мастер спорта, крепкий такой дед и выпить не дурак. Наладил снабжение со столицы. Пластиковые лыжи, палки облегчённые, ботинки беговые. Снегоход есть, круговую трассу оборудовали длиной десять километров. А какая у нас учительница физкультуры у младших классов — просто богиня, наша Клюквенная Афродита! Софи Лорен плачет в чулане от зависти. Ты всё сам увидишь и обязательно влюбишься в нашу Тоню — Антонину Сергеевну Видову. Понимаешь, какая фамилия — от слова «вид», там такой пейзаж, сказочный рельеф. Что спеди, что сзади, закачаешься. Все мужики на селе пускают слюни.

— А сколько ей лет?

— Тридцатник в том году отмечали.

— Тётя уже в годах, — заметил Кирилл.

— Много ты понимаешь.

— Если она такая необыкновенная, что забыла в деревне? — спросил Кирилл.

— В том-то и дело, что дама столичная, в Санкт-Петербурге жила, говорят, любовниками крутила богатыми как хотела, с финансами всё в порядке, между прочим, совладелица спортивного клуба. Красивые женщины, Кирюша, как правило, несчастливы, они долго выбирают, отшивают достойных мужчин, а когда серые подружки обзаводятся вторым ребенком, наступает прозрение. Приходится влюбляться в первого заваливающего мужичонку. Тот, естественно, пьёт и бьёт, потому как слаб и жалок. Знаешь, у Даля в пословицах есть: «Бей бабу молотом, будет баба золотом». Нет, не будет золота, и бабы не будет. Сбежала Антонина от своего благоверного в родную деревню, не знаю, может, и квартиру ему в городе оставила. Хорошо хоть детей нет.

Юкко потянулся за бутылкой.

— Я не буду больше, да и пора уже домой идти. До первого сентября всего ничего, а у меня ещё конь не валялся. Почитать надо учебники по курсу биологии, — Кирилл встал с дивана.

— На ход ноги обязательно надо принять, — Юкко взболтнул и разлил остатки.

— Благодарю, Юкко, приятно было познакомиться, спасибо за угощение. Приходи в гости, переулок Боровой, дом два, квартира один.

— Хорошо, Кирюша, тебе спасибо за компанию, встретимся ещё.

Кирилл выпил, крепко пожал руку нового друга и вышел из школы, стараясь идти ровно.

Всю ночь на первое сентября шёл дождь. Далеко-далеко рокотали громовые раскаты. Осенняя гроза — редкое явление на Севере. Кирилл проснулся, посмотрел на экран телефона, лежащего рядом на стуле, — ещё только половина второго, а сна ни в одном глазу. Что-то грезилось тревожное, но он не запомнил. Обычно, когда небо плачет, так уютно лежать в тёплом помещении под толстым одеялом и, слушая перестук капель за окном, проваливаться в сладкую дрему. Наверно, сказывалось волнение.

«Как дети примут? А вдруг не получится? И что тогда делать, бежать домой, как побитая собака. Куда податься? Продавцом в пивной ларёк?»

Вдруг кто-то постучал в окно. Кирилл вздрогнул, прислушался. Тихо.

«Может, это сон?»

Все эти ночи по приезду он видел какие-то странные видения. События во сне происходили словно наяву: солнце грело, огонь обжигал и ветер шевелил ветви деревьев, ощущались запахи и даже вкус.

Такие живые сновидения он видел в детстве почти каждую ночь, долгое время после одного случая. В третьем классе в школу привезли японский мультфильм про Хиросиму, раньше часто показывали кино в школах. По сюжету, после взрыва два брата стали свидетелями смерти родителей, пытались их спасти, но не смогли и дальше сами вели борьбу за жизнь.

На сеансе в актовом зале — веселье, школярское соревнование в остроумии, реплики из темноты, ходьба по рядам, строгие окрики учителей. Кирилл смотрел на экран не отрываясь. Когда включили свет, его жизнь продолжилась, как обычно, по расписанию: продлёнка, занятия в художественной школе и секции бокса. Вечером, только закрылись глаза, его опалило огнём красивого американского облака, всё рушилось вокруг. Он пытался спасти маму с папой из-под завалов, таскал обломки бетона, резал руки об арматуру и чувствовал боль, но не мог помочь. Со временем ядерные сны повторялись всё реже и пропали навсегда к тринадцати годам.

«Господи, какой я был впечатлительный, а помнишь тот страшный фильм о войне „Иди и смотри“, там вообще не до снов было, месяц спать не мог!»

В старших классах Кирилл понял, что приходит время наглых ребят с крепкими мышцами и загнал свои рефлексии как можно дальше. Он встраивался в образ, как мог, ходил

в качалку, изображал в разговорах с товарищами прожжённого циника, а дома читал книги, много книг. Ещё он очень любил рисовать.

Кирилл потрогал холодные стальные шишки на спинке своей купеческой кровати.

«Вот выпил тогда с Юкко, и ночь прошла спокойно».

В тот вечер, распрощавшись с трудовиком, добравшись до дома, после безуспешной часовой борьбы с учебниками, отрубился до утра без сновидений. За короткий промежуток он предпринял несколько честных попыток составить план по вводному уроку для самого главного выпускного класса, потом плюнул, взялся читать о строении клетки, перепрыгнул к простейшим. Дефиниции путались, митохондрии искрились, мембраны не пропускали подгулявших весёлых молекул, инфузории туфельки танцевали фокстрот вместе с мухами дрозофилами, голодные собаки Павлова были на заднем дворе, а горошины пастора Менделя скатывались по растянутой пружине дезоксирибонуклеиновой кислоты и с веселым визгом падали в первичный бульон.

«Дрозофила» — это слово любил повторять один знакомый студент, по кличке Леденец, с факультета физического воспитания. Его взяли без экзаменов, за какие-то заслуги в спорте, поэтому он вряд ли знал, что «дрозофила» — мелкое насекомое из семейства плодовых мушек (*Drosophilidae*), из-за своей короткой жизни и простоты выращивания является идеальным объектом для генетических исследований. Кирилл волею случая попал с будущими физкультурниками в колхоз после первого курса.

«Самоуверенные мясистые парни, где они сейчас?»

Леденец был важный, накачанный перец, в свои девятнадцать лет, кажется, познавший смысл жизни, он был уверен в себе, как Гитлер в июне 1940 года. Помните ту фотографию со Шпеером на фоне Эйфелевой башни?

Для Леденца слово «дрозофила», выхваченное в коридорах универа, несло запредельный трансцендентный смысл, но могло быть использовано как восхищение или ругательство.

— Дрозофила, — восхищенно говорил он, подпирающий небо на картофельном поле, мечтательно смотря на низколетящий пожарный вертолет. — Яка, Дрозофила, — выдыхал он, выпив полстакана самогона. — Ах ты Дрозофила сраная! — обращаясь к обидчику, оглушившему его штaketом по голове возле сельской дискотеки.

«Вот такая дрозофила», — Кирилл повернулся на другой бок. Сон всё не шёл.

Вдруг комната осветилась белым светом.

«Раз, два, три», — начал отсчёт Кирилл, на «семи» раздался гром. Учтя повышенную влажность и температуру воздуха, он предположил, что гроза где-то над болотами в двух с половиной километрах от села.

Скорость звука в таких условиях с 332 метров в секунду (при 0 градусов Цельсия) возростала на 15—20 метров до округленных 350 метров в секунду. Помножив рассчитанную скорость на время прохождения звука от вспышки молнии до грома (7 секунд), он получил искоемое расстояние³. Все эти расчёты Кирилл произвел в уме и удовлетворённо хмыкнул. Папины уроки не прошли даром.

Он вспомнил отца и ту страшную грозу. Они лежали вдвоём в маленькой брезентовой палатке на дачном участке, поросшем вековыми соснами, кряхтящими на ветру и дожде.

В начале девяностых умирающий завод по производству лесных тракторов, где работал ведущим инженером Савельев-старший, выделил работникам кусок леса в тайге, в пятидесяти километрах от города. Около сотни человек получили по пятнадцать соток серого гранито-гнейса и валунов, покрытых травянисто-моховым ковром и поросших светлым корабель-

³ При 0° скорость звука составляет 331 м/с, при +20° она уже равна 343 м/с. Расчёт Кирилла: 7 секунд*350 м/с = 2450 м, т.е. примерно 2,5 км до источника грома.

ным лесом. В качестве бесплатной радости природа снабдила этот край тучей гнуса, клещами и гадюками. Змеи чёрно-серыми клубками извивались между камней в первые дни начала лета.

Отец был счастлив. Машины в семье не было. Рейсовый автобус высадил новоиспечённых дачников на трассе, дальше надо было идти десять километров по разбитой лесной грунтовке. Нагруженные запасом еды на две недели, с палаткой, ведрами и инструментом, вдвоём они вышли к своей земле. Тринадцатилетний Кирилл почувствовал себя Робинзоном Крузо. Отец не делал поправку на возраст. Кирия рубил деревья, таскал бревна, корчевал пни. Первые дни болело всё тело, сводило мышцы, но потом прошло, мальчик становился мужчиной. Вечером отец, посмеиваясь, выковыривал впившихся за трудовой день клещей из спины сына.

— Только маме не говори, — говорил он, бросая извлеченных кровососов в костёр.

На исходе второй недели жара достигла пика. Ближайшие ламбы с водой цвета крепкого чая прогрелись до температуры тела, и купание не освежало. Змеи замерли кожаными лассо на раскалённых гранитных глыбах. Вечером пропали комары и замолчали птицы. Ближе к полуночи на лес обрушился шквалистый ветер, высокие сосны гнуло в коромысло, вдруг сверкнуло и грянул гром, так, что зазвенело в ушах. По палатке замолотил дождь. Грохот не прекращался, вспышки освещали палатку даже через брезент. Наверно, отец почувствовал первобытный страх сына. Одно дело, в городской тёплой квартире пережить непогоду, а совсем другое — лежать на каменистой земле, где от чёрной разбушевавшейся бездны тебя ограждал только тонкий слой ткани.

— Вот смотри, сверкнуло. Считай, сколько секунд: «раз», — на счет «два» раздался грохот, — значит, гроза в двух километрах. Кирилл позже узнал, что отец лукавил, успокаивал сына, намеренно увеличивая расстояние от их лагеря до места удара молнии. Гремело на счет «пять», потом на «восемь». Временной разрыв между молнией и громом стал увеличиваться, ветер стих, и Кирилл уснул.

Они с отцом за лето поставили сруб из сведённого на участке леса. Свежие чистые бревна сочились ярко-жёлтой, играющей на солнце смолой. Папа ходил по шаткому черновому полу, подпрыгивал, хватался через поперечную деревину и делал подъём с переворотом. Кирия хохотал.

С началом учебного года отец приезжал достраивать дом один, почти каждый выходной, навёл стропила и перекрыл крышу рубероидом. Когда завод закрылся, он практически переехал на дачу, жил там зимой и летом. Рыбачил, бродил по лесам, деньги зарабатывал строительством, периодическими короткими халтурами.

Как-то холодным декабрьским вечером зазвонил телефон. Это был сосед по участку. Он нашёл отца повешенным в открытом дачном домике, на той самой, потемневшей от времени, поперечной балке, с подтёками засохшей коричневой смолы.

— Эх, папа, папа. Зачем? — Кирилл вытер глаза краем наволочки.

Сквозь шум дождя раздался отчётливый стук в окно. Кирилл вздрогнул.

«Да что ж такое?»

Он прямо в трусах, босиком выскочил на мокрое крыльцо. Во вспышке молнии Кирилл разглядел уходящую знакомую фигуру в кепке и выцветшей штормовке.

— Папа!?

Небесная влага смешалась со слезами. Кирилл побежал со двора в переулок и дальше, на центральную дорогу. Дождь колотил по шиферным крышам, потоки бурлили в придорожных канавах. Чёрные бездонные окна отражали вспышки молний.

Голый и мокрый, он стоял на сельской дороге, терявшейся в стене воды, один в этом грозном мире.

К утру первого сентября дождь не прекратился. Алевтина Ивановна распорядилась провести праздничную линейку в спортивном зале.

Первоклашек было совсем мало, всего шесть человек. Сказался демографический провал девяностых. Такая ситуация наблюдалась до пятого класса. С шестого по девятый параллель состояла из двух классов «А» и «Б» примерно по двадцать детей в каждом. Старшие — десятый и одиннадцатый — тоже были в одном экземпляре. Кирилл поздоровался с директрисой и облокотился в сторонке о шведскую стенку. Возрастная структура школы наводила на грустные мысли.

«Вот тебе и Русский крест, куда уж нагляднее», — подумал Кирилл, вспоминая известный график с курсов экономической и социальной географии, похожий на Андреевский крест: уходящую вниз линию рождаемости и пересекающую её в точке 1992 года, чёрную прямую смертности в России, взлетающую в бесконечность.

Алевтина Ивановна сказала в микрофон несколько слов, поздравила учеников с началом нового учебного года. Представила нового учителя географии и биологии. Кирилл улыбнулся и кивнул головой. Старшеклассницы с нескрываемым интересом рассматривали молодого симпатичного педагога.

Дети разошлись по классам.

У Кирилла в этот день не было уроков. Он заглянул в свой кабинет. Посидел за учительским столом, встал и прошёлся между рядами.

«Совсем недавно ты носился по такому же классу, а иногда прямо по партам», — он вспомнил, как на перемене, будучи уже взрослым парнем, перед уроком физики сайгаком проскакал по столам и спрыгнул на пол у доски, а в этот же момент в класс вошла учительница, Кирилл упал практически в её объятия. Он вспомнил возмущенные глаза физички и улыбнулся. Закрыл дверь и направился, обходя лужи, к дому. На улице становилось мрачно и холодно.

Дома Кирилл снял парадный пиджак, рубаху и повесил на плечики. Натянул чёрный свитер маминой вязки и носки из собачьей шерсти. Пришло время затопить печь. В сарае было немного сухих дров. Директриса обещала машину на неделю. Сходил на улицу и вывалил охапку поленьев на пол в кухне. Включил свет, лампочка не горела.

«Тьфу ты, вот незадача».

В полумраке нащипал лучины, сложил в плиту и поджёг. Топка была одна, общая на плиту и кирпичный стояк в комнате. Сел на корточки перед открытой дверцей. Огонек поплясал по сосновым щепкам и перекинулся на поленья.

«Дров-то сухих совсем мало, зимой будут проблемы».

Три куба сырой, гниловатой осины и ольхи привезли Кириллу через два дня, но толку от такого топлива было мало.

Остатки березы и сосны он использовал только на растопку. Как правило, сухие дрова хорошо сгорали, только слегка подсушив свежие сырые поленья. Осина обугливалась сверху, но не загоралась. Трубу, естественно, нельзя было закрыть, и в щитовом бараке, и без того холодном, становилось совсем влажно и зябко. Кириллу приходилось ухищряться, чтобы протопить печь: устраивать стену дров прямо на кухне, раскладывать поленья на плите, наплевав на пожарную безопасность.

Наш герой был неприхотлив, мог жить в любых температурных условиях, но в некоторые нервные зимние дни выдержка его подводила и случались срывы. Все удары принимала на себя кирпичная плита. С минуту поколотив кочергой по чугунным уголкам, окантовывавшим печку, молодой педагог успокаивался.

Ах, с какой радостью в такие моменты он перехватил бы между глаз железной палкой этому бугаю с лицом дегенерата — Харчеву из одиннадцатого класса — или дал бы слегка по шее ехидному подлому засранцу Ванечке Сизову из девятого. Именно в один из таких

моментов эмоциональной разрядки полетели в печку французские стихотворцы — да простят книголюбы нашего вспылчивого географа. И поймём же истоки побега предшественницы Кирилла на этой кухне, молодой городской учительницы с тонкой душевной организацией, хоть и любившей «проклятых поэтов», отвергавших буржуазный комфорт, но непривыкшая к суровому неблагоустроенному быту, сама она не смогла жить без удобств.

Кирилл сидел на полу и смотрел на потрескивающие дрова, задумчивое лицо озарялось оранжевым светом. Кто-то постучал в дверь.

— Войдите.

— Можно? — хриловатый женский голос послышался из коридора.

— Нужно! Проходите, не стесняйтесь.

На кухню впорхнула молодая симпатичная брюнетка в тёмно-синем спортивном костюме и, прищурившись, взглянула на сидящего жильца.

— Здравствуйте, мрачновато у вас, — сказала она, оглядев помещение.

— Нормальная мужская атмосфера... Я вас знаю? Вы из какого класса? — вставая, спросил Кирилл.

— Ха, ха, смешно! Я веду физкультуру. Директриса просила новенького позвать, в учительской стол собирают в честь первого сентября.

— Вас случайно не Антонина зовут?

— Да, откуда вы знаете.

— Мне уже сообщили о самой красивой девушке на селе, вы подходите под описание, — он протянул руку. — Меня зовут Кирилл.

— Вы мне льстите, Кирилл. Приходите, мы вас ждём, — она улыбнулась, изящно повернулась и, качнув бедром с тремя полосками, как будто не замечая его открытой ладони, выпорхнула из кухни, оставив лёгкий шлейф теплых и вкусных женских запахов, казавшихся чуждыми на тёмной, задымлённой кухне.

В учительской ждали нового географа и, кажется, обрадовались, когда он заглянул в приоткрытую дверь. Столы накрыты, коллектив на местах, и для начала праздника не хватало только Кирилла.

— Вот наше молодое пополнение и надежда, — сказал Алевтина Ивановна, — Кирилл Николаевич Савельев, прошу любить и жаловать.

Его посадили между долговязым бледным мужчиной с растрёпанной чёрной шевелюрой и крупной мужиковатой женщиной, похожей на пожилую метательницу молота.

— Андрей Абрамович, можно просто Андрей, — представился брюнет. — Учитель истории и обществознания, основам безопасности жизнедеятельности, а также специалист по эзотерике и оккультным вопросам.

— Андрей, кончай со свой лабудой, не пугай молодого, — крепко сжав новенькому соседу плечо, фемина справа представилась: — Василиса Михайловна.

Кирилл посмотрел на её широкое лицо, на котором выделялись тёмные гусарские усики.

— Очень приятно, — он опустил глаза, стараясь не глядеть на растительность над губой и не смущать даму.

— Водочки? — Василиса взяла инициативу, не дожидаясь ответа, наполнила ему стопку.

— Уважаемые коллеги, объявляю новый учебный год открытым, желаю вам прилежных учеников и терпения! — объявила Алевтина Ивановна, подняв бокал с красным вином.

— Знаем мы этих учеников, читают по слогам в девятом классе, — прошепела ему на ухо Василиса и залпом выпила стопку.

— Прямо уж по слогам? — тихо спросил Кирилл.

— Сам увидишь. Не все, конечно, но есть отдельные персонажи. Я литературу с русским им даю, знаю, о чём говорю, некоторых даунов учить, «что мёртвого лечить». Им что нужно? Бухнуть да потискать девок подоступнее, есть тут проשמандовки. Продукты «пьяного» зачатия, хули? Уже с шестого, седьмого класса пьют, из дома зараза идёт, если батя с матерью кируют, школа не поможет.

— А на что родители пьют, работы же нет? — спросил Кирилл, слегка смущённый напором и лексиконом русички.

— Ягоды, Кирилл, наше красное золото, на ягодах за сезон, можно состояние по местным меркам сколотить. Морошка, черника, брусника, ну и клюква, конечно, кислятину вообще тоннами гребут. Есть у нас один бизнесмен Витёк Базлаев, организовал заготовительную фирму, у народа скупает и в городе сдаёт, а там за кордон уводят. Страда идет с июля по ноябрь, в остальное время заработанное пропивают, — Василиса опрокинула очередную рюмку, наглядно показывая, как происходит процесс освоения заработанных средств.

— Ты не куришь?

— Да, точнее, нет, бросил недавно.

— Понятно, долго жить хочешь? — задав этот риторический вопрос, она с грохотом отодвинула стул и понесла большое тело, облаченное в бархатное платье, к выходу.

Кирилл, наконец, осмотрелся. Маленькие пожилые учительницы математики и физики, педагоги начальной школы, очень похожие на обычных деревенских бабушек, скучковались и обсуждали способы засолки грибов. Раскрасневшийся Юкко громко объяснял Алевтине Ивановне внешнюю политику Китая. По правую руку директрисы сидел крепкий старикан с седой докторской бородкой, он периодически наливал себе водки, поднимал перед собой стопку, чему-то улыбался и выпивал, не чокаясь ни с кем, удовлетворенно хмыкал и закусывал рыжиками. Он был похож, по описаниям Юкко, на физрука Павла Валерьяновича. Боковым зрением Кирилл уловил чей-то взгляд, за ним наблюдали. Повернув голову, он увидел Антонину. С бокалом в руках, отодвинувшись от стола, она качалась на стуле. Насмешливый взор её зеленых глаз был направлен на нового учителя. Кирилл заметил, что мастерка расстёгнута, а в разрезе видна ложбинка в основании загоревшей шеи, плавно перетекающая в высокую грудь. Красивая волнующая линия плоти угадывалась под синей тканью кофты.

Кирилл смутился и покраснел, придвинул к себе салатницу.

— Кирилл, а вы верите в тёмные силы, враждебные человеку? — отвлёк его от оливье историк.

— Как специалист по естественнонаучным дисциплинам, я не верю в существование потустороннего мира, загробной жизни и волшебства.

— А зря, мир не так прост, как кажется, — Андрей Абрамович пристально посмотрел на Кирилла.

«Историк, похоже, тоже с сумасшедшинкой».

— Кроме истории, я преподаю ОБЖ, учу детей первой помощи, спасению на водах и при землетрясении, но мало кто догадывается, что есть вещи гораздо страшнее наводнений и лесных пожаров. Параллельно с нами существуют другие миры, заселённые ужасными существами, — назовём их демонами. В своём пространстве они без материальной оболочки, имеют волновую природу, это такие сгустки злой энергии, которые способны проникать в наш мир. Но не через какие-то материальные червоточины, то есть торнадо в атмосфере или тектонические разломы в литосфере, а через нервные окончания человека. Прорехи в нервной системе, любые нарушения в психике могут сформировать слабое место, вход в другое измерение, и демон с той стороны, как шаровая молния, залетающая в форточку, просачивается в серое вещество мозга, раковой опухолью пожирает душу.

«Я в школе или в дурдоме?» — Кириллу захотелось выпить.

— Человек, одолеваемый демоном, меняется, — увлечённо продолжал Андрей Абрамович. — Характер, поведение, поступки, он становится непохожим на себя ранее. Главный отличительный признак — паталогическая жестокость. Все эти маньяки, кромсающие себе подобных без причины, — не люди. Человеческая у них только оболочка, на самом деле они демоны, — историк глотнул вина и продолжил: — Необходима профилактика от попадания зла, чтобы не слабела душа, не малодушничать, как говорит русский народ. А я бы сказал не тонкодушничать, где тонко, там и пробивается демон. Надо читать правильные книги и делать добро.

— С этим я абсолютно согласен! Давайте выпьем за добро и хорошую литературу, — оживился Кирилл.

— Наливайте, я пришла, — рухнула на стул Василиса, так что задрожала посуда на столе, взялась за бутылку и разлила себе и соседу. — Не замучил Андрюша своими тёмными силами?

— Напротив, очень интересно, — заметил Кирилл, он набрался смелости и посмотрел в сторону Антонины. Она ушла, только на столе остался недопитый бокал.

«Очень жаль, действительно, красивая женщина».

Василиса опрокинула стопку, перегнулась через него, обдав запахом сигарет и термоядерных духов, щелкнула по носу задумчивого историка: — Андрей, держи нос бодрей.

— У меня, между прочим, и программа спецкурса для десятого класса составлена по защите от демонов, — встрепенулся Андрей Абрамович. — Показал лекции в районном отделе образования, там как на дурака посмотрели.

— Не расстраивайся, Абрамыч, будут и нашей улице костры с демонами полыхать, — зычно хохотнула Василиса.

— Вот видите, Кирилл, никто мне не верит, а в райцентре вообще за мракобеса считают, кстати, мы можем перейти на «ты»?

— Конечно, — сказал географ. — Не падайте, то есть не падай духом, ты так сильно веришь, даже мне, материалисту, показалось, что-то в этом есть.

— Сколько можно, переведите уже тему, — взмолилась Василиса. — Скука с вами смертная, пойду к Юкко, с ним веселее, — прихватив бутылку, она двинулась к трудовику, а тот, увидев её, шутливо закрыл лицо руками.

— Скажи, Андрей, а дискуссия в классе получается? Когда я вступил в пору созревания, рушился союз и все мы, молодые буйные демократы, ждали перемен, до хрипоты спорили с пожилой учительницей истории, членом компартии, а она, бедная, пыталась до нас донести простые истины, что это плохо, когда разваливается страна, и от Запада ничего хорошего ждать не стоит.

— Сейчас ты по-другому смотришь на мир, я так понимаю, — улыбнулся Андрей.

— Стройное мировоззрение моё дало трещину, когда демократические бомбы справедливого западного мира разорвали Югославию.

— Знаешь, Кирилл, я стараюсь не показывать классу свою точку зрения, просто объясняю причины, а выводы они должны сделать сами. Думаю, если случилось то или иное событие, значит, оно должно было произойти. СССР распался, ничего не поделаешь, стареющая партийная элита захотела жить красивее и сама потянулась за ярким отравленным яблочком. Многие граждане тоже ликовали. Народ хлебнул полной ложкой капитализма, который, действительно, оказался с душком. Понадобилось не так много времени в историческом масштабе, чтобы шоры упали с глаз. Вот увидишь, пройдёт лет двадцать и все захотят обратно в Союз. «В России нужно жить долго», — не помню чья, но подходящая мысль.

— То есть грядут перемены?

— Посмотрим, терпение, мой друг, как сказал Рабле: «Всё приходит вовремя к тому, кто умеет ждать».

— Андрюха, хватит голову морочить молодому педагогу, — Юкко поднял рюмку. — Присаживайтесь к нам.

Географ пришёл после посиделок затемно, лёг спать и долго ворочался, нет, не из-за злых демонов или переживаний о судьбах страны, покоя не давали весёлые зелёные глаза и ложбинка в разрезе спортивной кофты.

4

Второго сентября, войдя в класс со звонком, Кирилл окончательно и бесповоротно почувствовал себя взрослым. При виде нового учителя дети встали. Он замер у доски, а ученики изучали его, некоторые серьёзно, кто-то с глумливой ухмылкой. Первым уроком поставлена «экономическая география» у десятого «А», и пара мальчиков в свои шестнадцать были с него ростом.

— Здравствуйте, садитесь, — эти два слова он скажет бесчисленное количество раз, а перед этим обязательно выдержит фирменную паузу в десять-пятнадцать секунд, за которые успеет посмотреть в глаза каждого ребенка.

Преподавание давалось легко. Странно, что даже не повышая голос, Кирилл мог успокоить детское море, разбушевавшееся за перемену. Не всё, конечно, было гладко, в любом классе присутствуют один-два «трудных» школьников, способных парализовать работу остальных. В частных разговорах в учительской знаток великого русского языка Василиса Михайловна таких вредителей называла «мелкими долбосёрами». После безуспешных попыток вложить хотя бы толику знаний в эти неподатливые, глухо заколоченные головы Кирилл заключил с каждым «долбосёром» индивидуальный договор: в обмен на его обещание автоматом ставить тройки они обязались тихо сидеть на задней парте и не мешать учиться остальным. Консенсус был найден, хотя чувствовался нехороший осадок от сделки, но «то ли ещё будет, ой!»

Как-то в начале октября Кирилл проверял тетради после уроков. В класс заглянула маленькая женщина лет сорока.

— Здравствуйте, Кирилл Николаевич, — она нерешительно встала у входа и сняла с головы поношенный зелёный платок, тёмные волосы с проседью собраны в пучок.

— Добрый день. Вы что-то хотели?

— Я мать Васи Кашина.

— Кашина? Ах да, Василий Кашин, знаем, знаем.

Кирилл прекрасно запомнил Кашина из девятого класса. «Странно, мама брюнетка, а он белобрысый». Этот парень с плоским, ничего не выражающим лицом был одним из тех безнадёжных хулиганов, с которым географ заключил перемирие.

— Есть какие-то вопросы или замечания? — учитель закрыл тетрадь, поднялся из-за стола и шагнул к ней. Маленькая, сутулая, уставшая женщина. Её глаза бегали, неухоженные грубые скрюченные кисти, пальцы с грязными ногтями, руки рабочего, нервно мяти платок. Кириллу почему-то захотелось её обнять.

— Это что хочу сказать, давеча евонный дневник смотрела, тройки стоят по географии и по анатомии тоже. Он ничего не читает, уроки не делает, а тройки вы ему рисуете даром. Совсем разленится, станет, как батя. Вы ставьте ему двойки, пусть это ему будет, как его?

— Стимулом?

— Да, стимулом, тройку тоже ведь заслужить надо, к доске его вызывайте.

— Согласен, мой просчёт, обещаю Василия со всей строгостью спрашивать и без всяких поблажек оценивать.

— Спасибо, Кирилл Николаевич.

У женщины посветлело лицо. Накинув платок, она вышла из класса. Кирилл наблюдал в окно, как маленькая фигурка, кивая головой, словно разговаривая с неведомым собеседником, обходила лужи во дворе школы, вышла к дороге и, посмотрев по сторонам, перебежала на другую сторону и засеменила по обочине в посёлок.

Новенькому педагогу в учительской уже вкратце сообщили о некоторых сложных учениках. Василия со старшим братом Володей поднимала мать одна. Отец отбывал срок за убийство с позапрошлой осени. Василиса Михайловна, загадочно закатив глаза, прошептала Кириллу, заполняющему журнал, что история тёмная. Местный участковый, лейтенант Сашка Кабанов обнаружил старшего Кашина, пьяного вдрызг, спящего с окровавленным ножом в руке. Рядом на полу лежал хозяин дома, заколотый Федька Акимов, партнёр по бизнесу Витьки Базлаева, скупщика ягод.

— Федька-покойничек, между прочим, денег одолжил Базлаеву недавно, на новую машину, а Сашка Кабанов, школьный дружбан Витин, вот! Выводы, Кирюша, можешь сделать сам, если не дурак. — Василиса так близко наклонилась, что Кирилл мог разглядеть крупные поры на её запудренных щеках и каждую волосинку над верхней губой, — подставили Кашина, как пить дать!

Кирилл смотрел в окно. Мать Василия уже давно пропала за поворотом. К школе подъехала белая «девятка». Из машины выскочила Антонина в темных спортивных штанах и серой кофте с капюшоном. Он загадал, если Тоня посмотрит на его окна, всё будет хорошо. Она прошла, не поднимая головы.

«И всё нормально вроде, так почему же мне так хреново!» — он дыхнул на стекло и нарисовал на запотевшей поверхности сердечко.

В классе повисла тишина. Кирилл смотрел в раскрытый журнал девятого «А».

Домой на выходные задавалась номенклатура административной карты России. Опрос был о пяти столицах областей или республик. Ученик должен показать их на карте. Оценка зависела от количества найденных городов, если обнаружены все — значит, «отлично», и дальше по убывающей. Два человека уже получили «четверки», засыпались на Биробиджане и Анадыре.

— Василий Кашин, — сказал Кирилл, поставив точку в журнале напротив фамилии вызываемого.

Класс удивлённо загудел. Вася на галёрке поднял заспанное лицо с парты.

— Меня?

— Кашин, ведь это вы?

— Я.

— Прошу к доске.

Все замолчали в предвкушении интересного зрелища.

Василий вразвалочку подошёл к карте, взял указку, повернулся к учителю. Он смотрел в окно, мимо Кирилла, мечтал, наверно, о рыбалке или об отличнице Верочке, и равнодушно-светлое северное осеннее небо отражалось в его глазах.

— Ну что, Василий, первый вопрос будет простой, покажите столицу нашей Родины?

Ученик притиснулся вплотную к карте, почти упёрся лбом куда-то в сердце Югры, взгляд побежал по Южной Сибири, Алтаю, остановился в отчаянии на выкрашенном в нейтральный цвет Казахстане.

Кирилла стали терзать тревожные сомнения: «А вдруг и этого не знает?» — Столица Российской Федерации, какой город?

Глаза Васи затухли на мгновение, но вдруг вспыхнули, как звёзды на Кремле:

— Москва!

«О чудо!»

Поиски Москвы продолжаются на теле нашей необъятной Родины, Верочка прыскает в ладошку на первой парте.

— Значит так, пойдём от обратного. Покажите границы России.

Василий понял, что граница — пунктир, оконтуренный тёмно-серым цветом, разделяющий разноцветный мир внутри, с безликими внешними территориями, и повел по нему указкой.

«Странно, почему серым?» — подумал Кирилл, следя за рукой школьника. Он только сейчас обратил внимание на оттенок границы.

Все школьные годы у Кирилла в комнате висела карта СССР, граница была показана прерывистой линией, выделенная ярко-красным. Сейчас на месте Союза прилеплен Джон Рэмбо.

— А теперь левую руку прислоните к доске, что видите под ладонью? — подсказал учитель.

— Киев, — сказал Вася, аккуратно поднимая пятерню и посмотрев под неё, словно поймав жука.

— Зажмите Киев и помашите маме ручкой.

— Что сделать?

— Помахать, только обязательно следите по карте, кому машете.

Вася широко взмахнул рукой и радостно вскрикнул:

— Нашёл! Вот она! Москва!

Класс не выдержал и рассмеялся в полный голос. Довольный Василий раскланивался, как артист на цирковой арене. Хохот был слышен даже в кабинете директрисы.

— Садитесь, Кашин, — Кирилл хотел поставить «три», но вспомнил просьбу матери и вывел на месте точки аккуратную двойку.

— Вера, идите, покажите, как это делается.

Верочка получила «отлично», быстро перелетая указкой с севера на юг и с запада на восток, за считанные секунды отыскала все задаваемые точки. Кирилл подумал, что она с таким же успехом выполнила бы задание с закрытыми глазами.

То, что некоторые дети, даже в старших классах, не обладают элементарными знаниями, даже с трудом читают, Кирилл убедился уже через неделю своей работы, когда попросил ученика 11 класса Володю Кашина, брата того самого Василия Кашина, озвучить вопрос в конце параграфа.

Вова наклонил свою белобрысую («Как же они похожи!»), коротко остриженную голову, насупил брови и поставил палец на начало предложения, выждав тягостную паузу, будто собиравшись дёрнуть штангу, стал читать, медленно по слогам, угадывая, как первоклашка, окончания слов. Кирилл растерянно посмотрел на остальных учеников, похоже, их сильно позабавило его выражение лица. Черноволосая девушка с красивым восточным лицом на последней парте развела руками и улыбнулась: «Мол, ничего не поделаешь, Кирилл Николаевич, такие у нас выпускники».

Учитель подошёл к ней:

— Извините, ещё не всех знаю, как вас зовут?

— Наташа Едыгеева.

— Наталья, будьте любезны, прочитайте задание.

Учитель прошёл к своему столу, открыл журнал, взял ручку, растерянно посмотрел во двор и вздохнул: «Чему я могу научить это парня? Если вся школа для него прошла сквозняком. Кто мне ответит?»

Кирилл брился на кухне перед маленьким зеркальцем, в сумрачном отражении угадывалась часть подбородка с белой бахромой мыла. Потеребив стержень рукомыльника, он смыл пену и критически осмотрел результаты.

«Сойдёт, чай не на свадьбу, а для сельской дискотеки самое то».

Алевтина Ивановна назначила его дежурным на танцах в честь дня учителя, а сегодня в его напарники вызвался идти неутомимый Юкко.

— Ещё Антонине Сергеевне скажу, чтобы приглядела за девушками, а то мало ли что, — заметила директриса, когда географ с трудовиком выходили из её кабинета, и Кирилл почувствовал, как сладко закололо в районе подвздошной вены.

— Я фляжку возьму и кастет на всякий случай, встретимся у клуба в полвосьмого, — Юкко легонько стукнул коллегу в плечо, стремительно отпрыгнул и начал ловко качать маятник, прыгая по скрипящим доскам рекреации, раздавая хуки и апперкоты невидимому противнику.

— Эй, Тайсон, в тебе полсотни лет и центнер весу, имей совесть, если пол не треснет, то спину надорвёшь точно. Скажи лучше, для чего тебе кастет на вечер в честь Дня учителя?

— Кирюша, ты молод, к счастью, не глуп, но очень наивен. Сейчас разгар сезона, люди идут на болото за клюквой, крупной, с двухрублёвую монету, тёмно-красной ягодой. Думаешь, твои ученики в выходные учат законы Менделя или читают о плаваниях Кука? Нет, дружище, они гребут мешками кислый урожай. Здесь так называется не «собрать», а «набрать», «нагрести». И стар и млад. У них есть только два дня в неделю, восемь — в месяц, пока идёт ягода, заработать на телефон или на новые кроссовки. А их старшие товарищи и братья, безработная, не пристроенная и не уехавшая в город молодежь, от восемнадцати до тридцати лет, пропадает на торфяниках всю неделю, выходит из леса, сдаёт клюкву, получает деньги. Все хотят отдохнуть. У нас нет ночных клубов, тематических вечеринок, люди бухают, а потом идут в центр к клубу. Рядом круглосуточный шалман, поило льётся рекой. Что-что, а веселье я тебе обещаю. Про кастет, это я так, для красного словца. Всю эту шантрапу лично знаю, не забывай, я всё-таки учил их труду, и не только. Главное, не бойся, эти шакалята за версту страх чувят. В общем, как говорила моя русская бабушка: «не ссы в компот, там повар ноги моет».

— Юкко, мы так говорили в начальной школе, какой «компот», какая «бабушка», я тебя знаю полтора месяца, и мне кажется, что тебе не пятьдесят лет, а пятнадцать.

Было весело и странно общаться с этим пожилым ребенком.

Кирилл натянул джинсы и чёрный свитер. Хлебнул кефиру из картонки. Холодильником ему служила поленница, которую он соорудил в коридоре в процессе непрерывной «борьбы за огонь».

На дровах хранился творог, кефир и молоко, на подопревшей осине и ольхе молодой педагог оставлял кастрюлю с щами, которые варил в воскресенье из одного огромного жирного американского окорочка и полкилограмма квашеной капусты, сразу на три-четыре дня. Что вареву будет, щи же кислые и так.

Кирилл полистал план на следующую неделю, делать ничего не хотелось. Он надел ботинки, допил кефир и выкинул упаковку в печьку. В животе забулькало. Кирилл отбил чечётку и продекламировал любимую бабушкину частушку:

*На гулянку собирался,
Брюки новые надел,
Простокваши нахлебался,
Всю дорогу пропердел.
«Это же про меня!»*

Выключил свет, закрыл дверь и засунул ключ под порог.

Широкоплечий русоволосый высокий парень в чёрном свитере не торопясь двигался по дороге в центр. Времени вагон. Он никогда в жизни не опаздывал, выходил с запасом.

Так получилось, что всегда приходилось ждать. Стоять на троллейбусной остановке, высматривать Петьку Казакова, как всегда, не спешившего и просрочившего все дипломатические регламенты. Подпирать часами рябину под окном Виктории: соизволит ли выйти, а может, разрешит поцеловать в губы. Обтирать стены коридора у двери в надежде увидеть препода, чтобы подмахнул подпись в зачётке; хозяина магазина, где работал в ночную смену, получить расчёт; пьяного бригадира после разгрузки вагонов, чтобы выпечить остатки денег, et cetera, историй сотни.

Да что там, даже когда хоронили отца, случилась задержка в траурном зале и он с матерью терпеливо ждал, когда рассортируют покойников, перетасуют гробы и найдут заявленное к просроченному времени выноса тело. Мама обладала той же суперспособностью, она умела ждать не ропща, осознавая тлен всего происходящего.

Кирилл вдохнул вечерний воздух, пахнувший дымом от сухих березовых дров, которых так не хватало на его мрачной кухне. Дома лучились светом, там жили люди и, возможно, любили друг друга. Его сердце предчувствовало праздник. Серый дождливый сентябрь вымыл все питательные вещества из души, а октябрь подразнил солнцем и теплом.

«Ах, как хорошо, бляха муха, — кажется, что-то будет!»

Кирилл прислушался к себе, напряг бицепсы. Приятно окунуться в неизвестность, когда тебе двадцать три года.

Клуб, построенный в 60-х годах, во время расцвета поселка, сейчас переживал не лучшее время. Большое, сложенное из брёвен здание, перекрытое шатровой многоскатной крышей с большим резным крыльцом с фасада и стрельчатой аркой на входе, напоминало терем с картин Васнецов. Облицовочная вагонка кое-где отпала, обнажив серый, тронутый гнилью сруб. Синяя краска облупилась, и издалека казалось, что стены заматаны сеткой натовского камуфляжа.

В лучшие годы здесь крутили кино, приезжали областные артисты, даже молодая Зыкина стояла на местной сцене, и старожилы помнят, как в тот летний вечер в открытые окна и двери растекалась над окрестными озерами и болотами волшебная песня о текущей издалека реке Волге.

Артистов давным-давно не привозят. Раз в квартал клуб используется, как ярмарка гуманитарки и китайского ширпотреба, да по праздникам устраивается дискотека, и округа оглашается пьяными криками и визгами под низкие басы, резонирующие старые стены «днц-бум-днц-бум-днц».

Кирилл, как всегда, прибыл раньше и примостился на завалинку, сел со стороны озера. Вода лизала круглые валуны. Кусочек неба над лесом с того берега раскрасился ярко-оранжевым. Он слышал, как подъехала машина, хлопнула дверь.

Мимо прошла женщина, не заметив нашего героя, и ловко прыгнула на камень у зеркальной кромки.

— И точно, Афродита! — громко сказал Кирилл, вставая.

— Блин, вы меня испугали! — Это была Тоня.

— Ваш силуэт, Антонина Сергеева, очень органично вписался в закат, было красиво, а стало просто волшебным, как Афродита, только не из пены морской, а из озёрных вод, северная русалка! Я учился пару лет в художке, и сейчас пришло озарение, закрываю глаза и вижу вашу фигуру на холсте.

— Скучно, очень скучно, неоригинально, комплиментам у Юкко учились?

— Извините, постараюсь отступить от шаблона, но красивый же вечер?

— Очень, — она посмотрела вдаль. — Хорошие деньки заканчиваются, по району пере-
дали туманы и дожди.

— Я телек уже с весны не смотрел, не знаю, что в мире творится.

Тоня задумалась и не услышала его, прыгнула на берег, несколько минут смотрела вдаль,
обернулась к нему, подошла ближе.

— Мне нравится это место, столько воспоминаний. Здесь, за клубом, я первый раз поце-
ловалась. Ох, и давно это было! Вы, Кирилл, наверно, ещё в школу не ходили.

— Да хватит, вас не отличишь от старшеклассниц. Я вот увидел сейчас вашу фигуру на
берегу и почти влюбился.

— Почти? — Антонина засмеялась.

— Ещё чуть-чуть и точно бы втюрился, я влюбчивый, тем более, вы такая эффектная.

— Милый мальчик, — она протянула ладонь к щеке Кирилла, он рефлексивно отстра-
нился. — Не бойся, я не кусаюсь. Пойдём, там Матвеича слышно, уже командует, фейскон-
троль проводит.

Юкко дежурил на крыльце, караулил дверь и не пропускал в зал пьяных.

Перед клубом собралась компания молодых парней, большинство географ видел в пер-
вый раз. Они курили и пили пиво, показушно громко хохоча. Похоже, трудовик уже дал им
отпор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.